
«КЛАССОВЫЙ ПОДХОД» И «ПРОЛЕТАРСКИЙ ХАРАКТЕР» РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. В РОССИИ

Э.Э. Шульц

Кафедра международных отношений
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
ул. Ульянова, 2, г. Нижний Новгород, Россия, 603005

В статье рассматривается проблема «классового характера» Революции 1917 г. и правомочности термина «пролетарская революция». Автор анализирует вопросы участия различных социальных групп в Русской революции, проводит аналогии социального состава предшествующих революций, рассматривает принцип «классовости» революции как элемент идеологии в целях позиционирования партии большевиков и захвата власти.

Ключевые слова: Революция 1917 года, Русская революция, социология революции, классы в революции, пролетарская революция.

Октябрьская революция 1917 г. оставила исследователям огромное количество вопросов, среди которых вопрос о «пролетарском характере» этой революции, наверное, является до сих пор одним из самых дискутируемых. Какие социальные группы или классы действительно были «двигателями» революции? Почему «пролетарские революции» произошли не в развитых капиталистических странах, как указывал Маркс, а в слаборазвитых странах? Могла ли быть революция пролетарской, если пролетариат, в самом расширенном понимании «трудового народа»: ремесленники, отхожие рабочие, промысловики, люмпен-пролетариат, составлял в России менее 10% населения? Факты антибольшевистских выступлений рабочих в Петрограде на протяжении 1918–1921 гг. и на Урале (1), рабочие дивизии из ижевских и воткинских рабочих у Колчака, которые успешно действовали в боях против Красной Армии (2), и многие другие лишней раз заставляют задуматься о «классовости» Русской революции.

Что касается данных, на которые обычно ссылаются исследователи массовости рабочего движения и количественного состава рабочего класса в России (3), то сами источники и методики подсчета требуют серьезного анализа. Количественный и качественный состав рабочего класса в предреволюционной России всегда вызывал множество споров, но этот вопрос относился к сфере идеологии и на нем базировалось обоснование причин пролетарского характера Октябрьской революции 1917 г. «Исследователи долгие годы говорили о 4–4,5 млн человек, включая миллион железнодорожных ра-

бочих и служащих. Советской историографией были предприняты попытки завязать его численность (нередко весьма существенно)» (4).

Согласно Статистическому ежегоднику за 1913 г., «рабочие» составляли менее 10% населения России, 80% населения составляло крестьянство (5).

Ленин рассчитывал в революции на 15 млн представителей рабочего класса, к которым он относил фабрично-заводских рабочих, членов их семей, строителей, кустарей, промысловиков, батраков, поденщиков (6). «В социальной (социалистической) революции, – писал Ленин М. Горькому в 1907 г., – мы можем рассчитывать лишь на пролетариев города и пролетариев деревни» (7). Т.е. сознательно расширяются границы класса уже в самом определении «пролетарий», более того, туда попали, в конце концов, люмпен-пролетариат, сельская беднота и т.д.

В 1905 г. Ленин называл пролетариат в России формирующимся классом (8). В 1917 г. в угоду концепции пролетарской революции в России Ленин изменит формулировки. В 1919 г. он дал такую стратификацию российского общества: 1) пролетарское и полупролетарское население города, 2) пролетарское и полупролетарское население деревни, 3) среднее крестьянство и мелкобуржуазное население, 4) богатое крестьянство и городская средняя буржуазия, 5) высшие классы (9).

Следует отметить, что в вопросе классов Ленин вообще редко придерживается каких-либо строгих определений, чаще жонглирует этими понятиями как публицист и общественный деятель, а не как теоретик и социальный философ. (Так, например, в запале «отповеди» Питириму Сорокину Ленин использует понятие класса «мелкобуржуазной демократии» (10).)

При этом вызывает вопрос представление этого рабочего класса о себе как о классе – большой социальной группе с определенными требованиями, самосознанием, стереотипами поведения и т.д. Современные Русской революции социальные исследователи отмечали, что в России не существовало буржуазии как класса: не было классового самосознания, ее благополучие полностью зависело от существующей власти (11), как класса в России не существовало и пролетариата: «Быстрый рост индустриализации России и связанное с этим увеличение на фабриках числа сезонных рабочих из крестьян, несомненно, сближало последних с рабочими и горожанами. Но настоящими пролетариями эти только что брошенные в закипающий котел капитализма крестьяне все же не становились» (12).

Если обратиться к данным В.И. Ленина, то в 1905 г. он рассчитывал поднять на революцию 150–200 тыс. рабочих, в Москве – 30–50 тыс., в Варшаве и Лодзи по 100 тыс. рабочих в каждом, а всего в Польше – более полумиллиона (13). Таким образом, по признанию Ленина, 200–250 тыс. рабочих представляли «авангард» «настоящего рабочего класса», а одна Польша, за счет национального движения, способна была с точки зрения Ленина дать минимум в два раза больше восставших, чем два самых крупных города России с наибольшей концентрацией пролетариата.

В «Уроках революции» Ленин приводит и другие цифры: 567 тыс. фабрично-заводских рабочих в московском фабричном округе, 300 тыс. фабрично-заводских рабочих – в петербургском, а для всей России он устанавливает планку в 3 млн «фабричных, горных и железнодорожных рабочих», число которых «каждый год возрастает» (14). При этом города Финляндии, Прибалтики и Польши представляли более трети миллиона таких рабочих (15). В 1917 г., отвечая на вопрос, «удержат ли большевики власть», Ленин утверждает о количественной поддержке большевиков в стране в размере 1 млн рабочих избирателей (16).

В качестве передового отряда рабочего класса России всегда считались питерские рабочие. Они, по характеристике социал-демократов и Ленина, представляли наиболее профессиональную и сплоченную социальную группу, наиболее близкую к классическому европейскому пролетариату, с традицией поколений рабочих. «Других рабочих уровня питерцев у нас нет», – признавал Ленин даже в 1919 г. (17), когда большинство представителей до-революционных рабочих Петрограда ушло на фронты гражданской войны, и эта социальная группа снова была «размыта» притоком из деревни.

Анализ населения Санкт-Петербурга показывает, что в 1910 г. из 2 млн жителей столицы три четвертых относились к приезжим, причем по сословной принадлежности большинство горожан принадлежало к крестьянам, а в рабочем сословии преобладала прислуга и люмпен-пролетариат (18). В период с 1900 по 1917 г. население столицы выросло суммарно на 1 млн человек, достигнув численности 2 млн 420 тыс., что произошло, главным образом, за счет выходцев из деревни (19). Таким образом, в предреволюционной России примерно 70% жителей Петрограда и 80% жителей Москвы составляли крестьяне и бывшие крестьяне: «эти недавно урбанизированные люди сохраняли со своими селами тесные связи» (20).

Подобное состояние дел не является исключительно результатом современных исследований, его вполне себе представляли лидеры большевиков. Так, Л.Д. Троцкий откровенно писал:

«Казалось, что война подменила рабочий класс. Так оно в значительной мере и было: в Петрограде состав рабочих обновился чуть не на 40%. Революционная преемственность резко нарушилась. То, что было до войны, в том числе и думская фракция большевиков, сразу отошло назад и почти потонуло в забвенье. Но под ненадежным покровом спокойствия, патриотизма, отчасти даже монархизма в массах накапливались настроения нового взрыва» (21).

То есть, несмотря на размывание рабочего класса, большевики могли теперь рассчитывать на общее состояние недовольства у населения.

Вторая половина 1917 г. принесла существенные изменения как в социально-психологическом климате в стране, так и в планах большевиков. Теперь, как писал Ленин в июне 1917 г., «под знамя большевизма идет всякий недовольный, сознательный революционер, возмущенный борец, тоскую-

щий по своей хате и не видящий конца войны, иной раз прямо боящийся за свою шкуру человек...» (22). То есть большевики стали аккумулировать широкий социальный протест, который был связан не с классовым сознанием и классовым представительством, а с желанием покончить с войной и прекратить лишения. Теперь Ленин стал рассчитывать на армию, которая больше не желала воевать, а не просто на рабочий класс (23). Количественные показатели уровня аккумуляции этого протеста можно представить по результатам выборов в Учредительное собрание осенью 1917 г., на которых партия большевиков получила приблизительно 10 млн голосов (24). Более 50% этих голосов были получены по губернским и военным округам Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов, причем преимущественно, в гарнизонах Петроградского района и Московской области (25).

Фридрих Энгельс в работе «Быстрые успехи коммунизма в Германии» отмечал, что социализм быстро стал популярен в Германии, социалистическая партия выросла в течение очень короткого срока, и все это благодаря среднему классу, который составил основу социалистического движения (26). То есть с точки зрения «классиков марксизма» и исторических реалий, одной из самых «пролетарских» стран Европы, с самым сильным социал-демократическим движением, рабочий класс, конечно, необходим, но и средний класс вполне способен оказать поддержку социалистической партии и сделать ее одной из самых влиятельных в стране.

Сходное положение возникло в России через несколько десятков лет: в условиях резкого обострения всех социальных противоречий революционная идея обрела в России прочную социальную базу главным образом в рядах радикально настроенной демократической интеллигенции (27). «Осенью 1905 г., воспользовавшись падением авторитета самодержавия из-за поражений в войне с Японией, оппозиционная интеллигенция решила предпринять атаку на правительство» (28). Аналогичная ситуация возникла в конце 1916 – начале 1917 г., и, в общем-то, февральская революция стала результатом новой «атаки интеллигенции» на самодержавие.

«С коммунистами, – писал М. Горький в воспоминаниях, – я расходился по вопросу об оценке роли интеллигенции в русской революции, подготовленной именно этой интеллигенцией, в число которой входят и все “большевики”, воспитавшие сотни рабочих в духе социального героизма и высокой интеллектуальности» (29). Революцию в России, – считал другой русский мыслитель и современник событий Ф.А. Степун, – осуществила «революционная интеллигенция», которая после реформ Александра II начала вырастать в политически активную силу (30).

В.И. Ленин всегда сопротивлялся утверждениям, что интеллигенция представляла главную силу революционного движения, но вынужден был соглашаться с тем, что в партии действительно очень мало рабочих и в этом направлении необходимо было вести пропагандистскую работу (31).

Социальный состав основных левых партий: большевиков, меньшевиков и эсеров был примерно одинаков: интеллигенты, студенты, служащие, рабочие. Значительную часть составляла молодежь. Меньшевики и большевики «делили» один электорат – рабочий класс, однако на него претендовали и эсеры. Называть эсеров исключительно крестьянской партией неверно: это клише, кстати, заимствовано из агитации большевиков и меньшевиков, которые стремились представить эсеров крестьянской партией, переманить из нее рабочих и выбить у нее рабочий электорат.

Эсеры представляли собой самую крупную левую партию, уступая по количественному составу только РСДРП периода совместного существования в рамках одной партии большевиков и меньшевиков. Социальный состав эсеровской организации представлял из себя более 40% рабочих, 45% крестьян и солдат, более 10% интеллигентов, студентов и учащихся (32).

Статистика делегатов съездов не вполне отражает картину для всей партии, но дает определенные представления. Так, у большевиков рабочие составляли не более трети делегатов съездов между 1907 и 1919 г., которые сохранили статистику: V съезд (май–июнь 1907 г.) (33), VI съезд (август 1917 г.) (34), VIII съезд (март 1919 г.) (35). X съезд большевиков проходил в марте 1921 г. в условиях, когда большевики удержали власть, смогли отразить интервенцию и близились к полной победе в гражданской войне, партия росла количественно и должна была, следуя логике классового состава партии, увеличить количественный состав рабочих, однако и здесь среди делегатов съезда рабочие представляли лишь треть. В анкете указывалось социальное положение «по основному занятию до 1917 г.». Но эти рабочие вполне могли быть уже военными или партийными функционерами. Основную группу продолжала представлять интеллигенция и учащиеся – вместе почти треть. Крестьяне составляли подавляющее меньшинство – 3% (как называют такие цифры – в зоне статистической погрешности) (36). Примечательно, что большинство делегатов VI съезда РСДРП(б) (август 1917 г.) составляли представители Петрограда и Москвы – 45% делегатов (37).

Английский социолог Р. Дарендорф, анализируя социальную базу революций, писал: «Когда это было, чтобы бедные и униженные нашей земли творили мир по собственному образцу? Не является ли привычка приписывать нуждающимся массам утопические фантазии вместо реальных интересов патерналистским заблуждением интеллектуалов? Бедные ищут места под солнцем – под этим солнцем, под солнцем сегодняшнего дня, а не под искусственным светом неизвестного мира» (38). Это не значит, что этих «бедных и униженных» нельзя увлечь утопическими идеями (39) и использовать в качестве «живой силы» революций – собственно, это и происходило во всех революциях, начиная с Английской, но более ярко и массово – с Великой французской революции. Основная проблема такого подъема масс – это вопрос идеологии. В Английской революции такой идеологией стал рели-

гиозный вопрос, во Французской – идеи Просвещения, в Русской революции – «марксизм» и идея «пролетарской революции».

Вопрос классового подхода вызывает столько споров и не имеет однозначного решения, потому что это вопрос идеологии. Классовая борьба, коммунизм и пр. – это умело разыгранные лозунги в политической борьбе. Это не значит, что в них не верили их проповедники, как раз, наоборот, – именно вера и сила убеждения, а не правомочность этих понятий повели за ними массы. Основная задача революционных партий начала XX в. заключалась в том, чтобы заставить рабочих идентифицировать себя с классом пролетариата, у которого единые требования, который является самым главным классом, который принесет мир, справедливость и земной рай, а также внедрить эту мессианскую идею в ту самую большую социальную группу, которая представляла наиболее благодатную почву для революционной идеологии с точки зрения количественного потенциала.

Примечательно, что отношение к Октябрьской революции как к непролетарской, не соответствующей «требованиям» марксизма (которое идет от современников 1917 г. и, в первую очередь, со стороны представителей других левых партий, и перекочевавшее в научные исследования) не меняет сути проблемы. Подобные поиски обусловлены постоянным движением по кругу одних и тех же установок, вне зависимости, поддерживает ли исследователь эти постулаты или оспаривает: 1) Октябрьская революция – пролетарская революция, которая должна привести к победе коммунизма, 2) в России не созрели условия для такой революции, которые определил К. Маркс. При этом читатель или автор всего лишь выбирает одно из утверждений, но принципиально соглашается с утверждением о возможности такой типологии революций, в которой существуют «буржуазные» и «пролетарские» революции. Эта типология была создана на основании работ Маркса, Энгельса и Ленина уже в XX в. Этот подход был использован для идеологического обоснования «пролетарской революции» в ряде отсталых (относительно Западной Европы и США) стран.

Итак, упомянутый оценочный подход к пролетарскому характеру Русской революции все равно возвращает к утверждению о пролетарском характере революции, которая просто вышла не такой, потому что пролетариат был отсталым и насквозь деревенским. А какой был тогда пролетариат в период Великой французской революции XVIII в., а особенно – Нидерландской XVI в. и Английской XVII в. буржуазных революций? Он был более «прогрессивным», чем российский?

Революцию, ее начальный этап и перевороты делает город. Не пролетариат или кто-то другой, а городское население: студенты, лавочники, разнорабочие, городские низы и т.д. В истории Европы «пролетариат» «делал» только неудавшиеся революции 1871 г. во Франции и революции 1918–1919 гг. в Германии, с натяжкой – также неудавшиеся революции 1848–1849 гг. в Ев-

ропе, если речь идет о Франции и, в какой-то степени, Германии. Великие революции делались не пролетариатом, его, собственно, тогда и не было в классическом марксовском понимании.

Классовый подход к революции – это элемент идеологии и пропаганды. Во всех революциях их основой были горожане и крестьянство. Постепенно от революционного движения в городе откололась большая часть буржуазии, в деревне – зажиточное крестьянство. Город сохранил в качестве революционной основы третье сословие. Революцию продолжали делать интеллигенция, студенчество, ремесленники и мелкие собственники и рабочий класс, границы которого были достаточно размыты. Естественно, что «рабочий люд» в количественном соотношении всегда превосходил все остальные в городе, так же, как крестьянство превосходило все остальное население вместе взятое во всех революциях, если не считать революции начала 90-х гг. XX в. в Восточной Европе.

Концентрация рабочего класса в Петрограде и Москве создавала «разрыв» между двумя столицами и страной, и этот разрыв наблюдается во всем.

Миф о пролетариате и его гегемонии в революции развеялся с началом гражданской войны в крестьянской стране. Переворот в столице можно было осуществить с помощью армии и боевых рабочих отрядов, удержать революцию стало невозможным, даже подняв весь «рабочий класс» на защиту. Вопрос о победе в гражданской войне решило крестьянство. Крестьян рекрутировали и «белые», и «красные», а крестьяне бежали от армии домой «к своей земле». Защита этой «своей земли» и нежелание воевать за непонятные идеалы породили такое явление, как «зеленые», которые стали еще одной силой в гражданской войне (наряду с национальными армиями и различными бандформированиями). Однако решающее значение сыграл другой фактор: как и в период Великой французской революции, с возвращением помещиков у крестьян стали отбирать захваченную ими землю, что толкнуло крестьянство на сторону революции, – так осенью 1919 г. случился и перелом в гражданской войне в России.

Расценивать бунт в России как исключительно классовый конфликт не только неправомерно, но и, на наш взгляд, исторически вредно. Неверные выводы ведут к неверным действиям, поэтому эти выводы корректировались в среде профессиональных революционеров и «экспортеров» революции уже начиная с 30-х гг. XX в. Классическое марксистское понимание классового характера и понятий пролетарской революции не позволили бы совершить революции и перевороты в странах Латинской Америки, Африки и Юго-Восточной Азии в XX в. Идея и лозунги «пролетарской революции» были использованы большевиками, а за ними и революционными «последователями» как удачный на тот момент идеологический и пропагандистский ход. Классовый принцип Русской революции может быть применен с той точки зрения, что бунт в России состоял из множества бунтов, где у различных со-

циальных групп могли быть различные причины для выражения своего протеста.

Студенческая среда и молодая интеллигенция активно бунтовала против мещанства (что является вообще характерной чертой молодежного бунта, особенно российского). Чего стоит описание М. Горьким визита к немецким социал-демократам! Будучи в Берлине, Горький виделся с Бебелем, Каутским, Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург и другими признанными лидерами и авторитетами европейской социал-демократии. Придя в квартиру Бебеля «и увидев там массу подушечек, салфеточек, занавесочек, клеточек с канарейками и прочие атрибуты немецкой мещанской обстановки, Горький сразу обозлился и держал себя по отношению к Бебелю довольно сухо» (40). Эти же социальные группы плюс большая часть интеллигенции желали модернизации страны, повышения экономического уровня России и культурного уровня ее населения.

Для того чтобы очертить круг всех составляющих бунтов «простонародья»: и рабочих, и крестьян, которые мало чем отличались в России друг от друга (хотя отличия в социальном мышлении все же были, если брать к сравнению группы профессиональных потомственных рабочих и не отъезжающих в город на заработки крестьян), – приведем еще пример из М. Горького. Горький описывает, как после какого-то съезда оказалось, что его делегаты «все ванны дворца... и огромное количество ценнейших севрских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков», причем, «это было сделано не по силе нужды, – уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал... нет, это хулиганство было выражением желания испортить, опорочить красивые вещи». «За время двух революций и войны, – писал Горький, – я сотни раз наблюдал это темное, мстительное стремление людей ломать, искажать, осмеивать, порочить прекрасное» (41).

В этом описании ярко проявляются и черты протеста «простого народа» против «барства» и «барской культуры», и последствия привитой революцией вседозволенности. Этот бунт представлял не меньшую силу, чем тот, в котором, например, жило требование земли, или социальной справедливости, или мира. То, что уже в 1917 г. «миллионы мужиков с винтовками в руках» представляли угрозу культуре, признавал и Ленин, который был уверен, что с этим не справились бы ни Временное правительство, ни «Учредилка» (42).

Важный социально-психологический фактор, который не следует упускать из вида, – это «мода на бунт». Мода на протест всегда существует у молодежи, в определенные исторические периоды мода на бунт «заражает» и другие социальные и возрастные группы. Безусловно, причины такого поведения связаны с тем, что происходит в обществе, что связано с первичными причинами возникновения такого состояния, но искать прямую связь между этим бунтарским поведением и традиционным комплексом «объективных

причин» революций и иных радикальных форм социального протеста бессмысленно.

Следует учитывать, что возрастной, гендерный и национальный фактор сыграли большую роль в революции, и значительно больше, чем классовый.

Революция в России, как в период ее подготовки, реализации, в период гражданской войны, а затем «строительства новой жизни», опиралась на молодое поколение – «эта молодежь мечтала построить на земле социалистический рай» (43). Студенческие выступления играли серьезную роль в радикальных формах социального протеста в России конца XIX – начала XX в., стали одним из главных направлений протеста в революции 1905–1907 гг.: «Студенты шли в первых рядах революционно настроенной части общества, нередко опережая даже рабочих» (44). Молодая российская интеллигенция выдвинула из своей среды костяк всех революционных партий.

Статистический ежегодник Российской империи за последний предвоенный год – 1913 г. – указывал численный состав населения от 10 до 19 лет и от 20 до 29 лет в соотношении 21,1% и 16,2% соответственно (45), т.е. те, кому в период революции и гражданской войны 1917–1922 гг. исполнилось бы от 15 до 34 лет, составляли около 37% населения, и даже с учетом смертности реальный показатель должен был превышать треть населения. Таким образом, к революции 1917 г. и в дальнейшем в гражданскую войну более трети населения Российской империи представляла молодежь, уже участвующая в трудовой и политической деятельности и активно вовлекаемая левыми партиями в революционную деятельность.

Ленин считал молодежь главной основой боевых дружин (46). Отряды рабочей молодежи и матросов Ленин называл самыми решительными элементами и лучшими боевыми силами партии (47). Большевики отмечали, что в партии преобладает рабочая молодежь, семейных мало и они отходят от партии (48). Семейная жизнь накладывает отпечаток на свободу действий и свободу времени, так что последняя черта является характерной для всех «революционных партий».

Показателен возрастной состав делегатов съездов большевиков: на V съезде РСДРП (май–июнь 1907 г.) средний возраст делегатов составил 27 лет (49), на VI съезде (август 1917 г.) – 29 лет (50), на VIII съезде (март 1919 г.) – 31 год (51), на X съезде (1921 г.) самые многочисленные возрастные группы были представлены в группах от 20 до 34 лет, вместе они составляли более 70% делегатов (52).

Отдельно следует отметить активное участие женского населения в революционных движениях и протестных выступлениях. Д. Голдстоун высказывал недоумение относительно данного феномена в каждой революции XX в., так как женщины не получали в массе своей руководящих должностей (53).

Причина такой активности кроется не в ожидании должностей и постов, а в иных формах самореализации. Также следует учитывать целенаправлен-

ное высвобождение этой активности благодаря идеологической работе, которая находила отклик у женщин. Так, в Русской революции такими мотиваторами, наряду с равноправием полов, которое больше имело значение для образованных слоев, служили идеи встать вместо мужчин, ушедших на фронт или сидящих в тюрьме, бороться за будущее детей и т.д.

В борьбе с царизмом отдельный расчет строился на «инонациональное население», т.е. «нерусское население» и национальные окраины империи. В этом вопросе Ленин особо подчеркивал разницу в положении с развитыми капиталистическими странами, которая выгодно выделяет Россию в деле революционного подъема: «В общем и целом, процент инонационального населения (т.е. не принадлежащего к главной нации каждого отдельного государства) составляет в Западной Европе 6%, а если прибавить Соед. Штаты и Японию, то 7%. В Восточной же Европе этот процент – 53%!» (54).

Этноконфессиональные конфликты показали себя еще в годы Первой русской революции. В 1917 г. революционные, сепаратистские, национально-освободительные, партизанские и иные движения в Польше, Финляндии, на Украине, Кавказе и Средней Азии сыграли существенную роль в развале центральной власти и развязывании гражданской войны.

Как справедливо подмечено исследователями революций, степень революционности жителей городов и деревень отличается: «горожане, как правило, более революционны, чем сельчане. Более того, они обычно выступают зачинщиками, в то время как революция затухает чаще в деревне» (55).

П. Сорокин справедливо отметил, что французское крестьянство в период Великой французской революции, захватив земли и освободившись от феодальных повинностей, «проявило полную индифферентность по отношению к революционному центру; но как только стали попираются их права в виде бесконечных реквизиций, они незамедлительно стали оборачиваться врагами революционного правительства» (56). На просчеты политики монтаньяров по отношению к деревне, что сказалось на повороте крестьянства против революции, указывал в специальном исследовании и Ж. Лефевр (57).

Лефевр ошибался, что выступление крестьян в июле 1789 г. «подорвало основы старого феодального здания; именно их поддержке обязано Учредительное собрание доброй долей своего влияния и силы» (58). Как справедливо писал другой французский историк – М. Блок, «во многих местах аграрные волнения совпали с политической революцией 1789 года» (59). Крестьянские выступления совпали с революцией в Париже, но не сыграли роли ни в государственном перевороте, ни в поддержке Учредительного собрания.

Сложно спорить с утверждением, что важнейшей силой Великой французской революции было крестьянство (60), только необходимо разделять революцию на этапы. Крестьянство не играло роли в смене власти в столице, оно сыграло роль в последовавшей затем гражданской войне, где каждой из сторон необходимо было рекрутировать армию и добиваться, чтобы армия противника имела как можно меньше поддержки. И здесь Русская рево-

люция повторяла Великую французскую. Революция произошла в двух столицах России, крестьянство при этом оставалось к ней индифферентным, пока большевики не стали насильственно отнимать у них продовольствие. Этот период – лето 1918 – осень 1919 гг. – стали временем пика гражданской войны. Однако возвращение помещиков и их претензии на земельную собственность, что во французской, что в русской революции, заставило крестьян повернуть штыки за революцию и землю и, в конце концов, обеспечить большевикам победу в гражданской войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. – М., 2000. – С. 421, 428–429; Питерские рабочие и диктатура пролетариата. Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. – СПб., 2000. – С. 11, 13–14, 60–65, 113–115, 280–283.
- (2) Гражданская война в России // Отечественная история. – 1993. – № 3. – С. 113.
- (3) Амальрик А.С. К вопросу о численности и географическом размещении стачечников в Европейской России в 1905 г. // Исторические записки. – Т. 52. – М., 1955; Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 г. / Сост. В.Е. Варзар. – СПб., 1908; Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906–1908 гг. / Сост. В.Е. Варзар. – СПб., 1910.
- (4) Рейман Н. Заметки по интерпретации 1917 года // Отечественная история. – 1994. – № 5. – С. 198.
- (5) См.: Статистический ежегодник России. 1913 г. Год десятый. – СПб., 1914. – С. 77, 87.
- (6) Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 3. – М., 1971. – С. 533; Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 1. – М., 1967. – С. 326–327.
- (7) Ленин В.И. Письмо А.М. Горькому, 14 августа 1907 г. // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 47. – М., 1970. – С. 111.
- (8) Ленин В.И. Петербургская стачка // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 9. – М., 1967. – С. 175.
- (9) Ленин В.И. Письмо П.И. Попову (О потреблении населения РСФСР до и после Октябрьской революции) // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 40. – М., 1974. – С. 342.
- (10) Ленин В.И. Ценные признания Питирима Сорокина // Ленин В.И. ПСС, изд. 5-ое. Т. 37. – М., 1969. – С. 191–193.
- (11) Степун Ф.А. Сочинения. – М., 2000. С. 615.
- (12) Там же. – С. 616.
- (13) Ленин В.И. Материалы к статье «Новые задачи и новые силы». Заметки к статье «Мобилизация армии пролетариата» // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 9. – М., 1967. – С. 403.
- (14) Ленин В.И. Уроки революции // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 19. – М., 1968. – С. 421.
- (15) Ленин В.И. Материалы к статье. С. 403; Ленин В.И. Уроки революции. С. 421.
- (16) Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 43. – М., 1969. – С. 313.

- (17) Ленин В.И. Письмо Г.Е. Зиновьеву, 30. IV. 1919 г. // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 50. – М., 1970. – С. 296.
- (18) Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. С. 21.
- (19) Там же.
- (20) Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. – М., 2001. – С. 10.
- (21) Троцкий Л.Д. История русской революции. В 2 т. Т. 1: Февральская революция / Общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. – М., 1997. – С. 41, 64.
- (22) Ленин В.И. Большевизм и «разложение» армии // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 32. – М., 1969. – С. 256.
- (23) Ленин В.И. Заседание Центрального Комитета РСДРП(б) 16 (29) октября 1917 г. // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 43. – М., 1969. – С. 396.
- (24) Знаменский О.Н. Всероссийское учредительное собрание. История созыва и политического крушения. – Л., 1976. – С. 270–271; Ленин В.И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 40. – М., 1974. – С. 1–24.
- (25) Знаменский О.Н. Всероссийское учредительное собрание. С. 273, 275.
- (26) Энгельс Ф. Быстрые успехи коммунизма в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 2. – М., 1955. – С. 519.
- (27) Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. – М., 1996. – С. 20.
- (28) Нефедов С.А. Истоки 1905 года: «Революция извне»? // Вопросы истории. – 2008. – № 1. – С. 49.
- (29) Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 10 томах. Т. 3. – М., 1989. – С. 234–235.
- (30) Степун Ф.А. Сочинения... – С. 617.
- (31) Ленин В.И. Конспект речи по вопросу об отношениях рабочих и интеллигентов в с.-д. организациях // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 10. – М., 1967. – С. 388.
- (32) Первая революция в России: взгляд через столетие. – М., 2005. С. 540.
- (33) Пятый съезд РСДРП. Май-июнь 1907 г. Изд. 2-е. – М., 1935. С. 660.
- (34) Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 г. Протоколы. – М., 1958. – С. 295.
- (35) Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. – М., 1959. – С. 452.
- (36) Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Протоколы. Стенографический отчет. – М., 1963. – С. 760.
- (37) Шестой съезд РСДРП... – С. 297.
- (38) Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы – М., 2002. – С. 104.
- (39) См.: Шульц Э.Э. Социальная утопия как идеология социального протеста // *European Social Science Journal*. – 2013. – № 8–2 (35). – С. 496–507.
- (40) Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине... – С. 217.
- (41) Там же. – С. 236.
- (42) Там же. – С. 238.
- (43) Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 2. – СПб., 1992. – С. 93–94.
- (44) Первая революция в России... – С. 516.
- (45) Статистический ежегодник... – С. 80.
- (46) Ленин В.И. В боевой комитет при Санкт-петербургском комитете // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 11. – М., 1960. – С. 336–337.

- (47) Ленин В.И. Советы постороннего // Ленин В.И. ПСС, изд. 5-ое. Т. 34. – М., 1969. – С. 383.
- (48) Там же. – С. 162.
- (49) Пятый съезд РСДРП... – С. 661.
- (50) Шестой съезд РСДРП... – С. 294.
- (51) Восьмой съезд РКП(б)... – С. 452.
- (52) Десятый съезд РКП(б)... – С. 760.
- (53) Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. – 2006. – 5 (56). – С. 82.
- (54) Ленин В.И. Статистика и социология // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 30. – М., 1973. – С. 356.
- (55) Сорокин П.А. Социология революции // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 287.
- (56) Там же. – С. 285.
- (57) Лефевр Ж. Аграрный вопрос в эпоху террора / пер. с фр. – Л., 1936. – С. 26, 131.
- (58) Там же. – С. 26.
- (59) Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. – М., 1957. – С. 266.
- (60) История Франции в трех томах / под ред. Манфреда А.З. – Т. 2. – М., 1973. – С. 38.

REFERENCES

- (1) Lenin V.I. *Neizvestnye dokumenty. 1891–1922 gg.* [Unknown documents. 1891–1922]. Moscow, 2000, pp. 421, 428–429; *Piterskie rabochie i diktatura proletariata. Oktjabr' 1917–1929. Jekonomicheskie konflikty i politicheskij protest. Sbornik dokumentov* [Petersburg workers and dictatorship of the proletariat. October 1917–1929. Economic conflicts and political protest. Collection of documents]. St. Petersburg, 2000, pp. 11, 13–14, 60–65, 113–115, 280–283.
- (2) *Grazhdanskaja vojna v Rossii, Otechestvennaja istorija*, 1993, no. 3, p. 113.
- (3) Amal'rik A.S. *Istoricheskie zapiski*, Moscow, 1955, vol. 52; *Statistika stachek rabochih na fabrikah i zavodah za 1905 g.* [Statistics of strikes of workers at factories and plants for 1905]. Ed. by V.E. Varzar. St. Petersburg, 1908; *Statistika stachek rabochih na fabrikah i zavodah za trehletie 1906–1908 gg.* [Statistics of strikes of workers at factories and plants for the third anniversary of 1906–1908]. Ed. by V.E. Varzar. St. Petersburg, 1910.
- (4) Rejman N. *Otechestvennaja istorija*, 1994, no. 5, p. 198.
- (5) *Statisticheskij ezhegodnik Rossii. 1913 g. God desjatyj* [Statistical year-book of Russia. 1913 Year the tenth]. St. Petersburg, 1914, pp. 77, 87.
- (6) Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. Moscow, 1971, 5th ed., vol. 3, p. 533; *Ibid.*, vol. 1, Moscow, 1967, pp. 326–327.
- (7) *Ibid.*, 1970, vol. 47, p. 111.
- (8) *Ibid.*, 1967, vol. 9, p. 175.
- (9) *Ibid.*, 1974, vol. 40, p. 342.
- (10) *Ibid.*, 1969, vol. 37, pp. 191, 193.
- (11) Stepun F.A. *Sochinenija* [Compositions]. Moscow, 2000, p. 615.
- (12) *Ibid.*, p. 616.
- (13) Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij*, 1967, vol. 9, p. 403.
- (14) *Ibid.*, 1968, vol. 19, p. 421.
- (15) Lenin V.I. *Materialy k stat'e* [Materials to the article], p. 403; Lenin V.I. *Uroki revoljucii* [Revolution lessons], p. 421.

- (16) Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij*, 1969, vol. 34, p. 313.
- (17) Ibid., 1970, vol. 50, p. 296.
- (18) Buldakov V.P. *Krasnaja smuta. Priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija*. [Red distemper. Nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow, 1997, p. 21.
- (19) Ibid.; Smith S.A. *Revolution and the People in Russia and China. A Comparative History. The Wiles Lectures for 1998*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, p. 23.
- (20) Graciozi A. *Velikaja krest'janskaja vojna v SSSR. Bol'sheviki i krest'jane. 1917–1933* [Great peasant war in the USSR. Bolsheviks and peasants. 1917–1933]. Moscow, 2001, p. 10.
- (21) Smith S.A. *Revolution and the People in Russia and China...* p. 24.
- (22) Trockij L.D. *Istorija russkoj revoljucii* [History of the Russian revolution]. Moscow, 1997, vol. 1, pp. 41, 64.
- (23) Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij*, 1969, vol. 32, p. 256.
- (24) Ibid., vol. 34, p. 396.
- (25) Znamenskij O.N. *Vserossijskoe uchreditel'noe sobranie. Istorija sozyva i politicheskogo krushenija* [All-Russian constituent assembly. History of convocation and political crash]. Leningrad, 1976, pp. 270–271; Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij*, 1974, vol. 40, pp. 1–24.
- (26) Znamenskij O.N. *Vserossijskoe uchreditel'noe sobranie*, pp. 273, 275.
- (27) Engels F. *Sochinenija*. [Compositions]. Moscow, 1955, 2nd ed., vol. 2, p. 519.
- (28) Tjutjukin S.V., Shelohaev V.V. *Marksisty i russkaja revoljucija* [Marxists and Russian revolution]. Moscow, 1996, p. 20.
- (29) Nefjodov S.A. *Voprosy istorii*, 2008, no. 1, p. 49.
- (30) *Vospominanija o Vladimire Il'iche Lenine* [Memories of Vladimir Ilyich Lenin]. Moscow, 1989, vol. 3, pp. 234–235.
- (31) Stepun F.A. *Sochinenija*, p. 617.
- (32) Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works], 1967, vol. 10. Moscow, p. 388.
- (33) *Pervaja revoljucija v Rossii: vzgljad cherez stoletie* [The first revolution in Russia: look in a century]. Moscow, 2005, p. 540.
- (34) *Pjatyj s'ezd RSDRP. Maj-ijun' 1907 g.* [Fifth congress of RSDRP. May–June, 1907.] Moscow, 1935, 2nd ed., p. 660.
- (35) *Shestoj s'ezd RSDRP (bol'shevikov). Avgust 1917 g. Protokoly* [Sixth congress of RSDRP (Bolsheviks). August, 1917 Protocols]. Moscow, 1958, p. 295.
- (36) *Vos'moj s'ezd RKP(b). Mart 1919 g. Protokoly* [Eighth congress of RCP(b). March, 1919 Protocols]. Moscow, 1959, p. 452.
- (37) *Desjatyj s'ezd RKP(b). Mart 1921 g. Protokoly. Stenograficheskij otchet* [Tenth congress of RCP(b). March, 1921 Protocols]. Moscow, 1963, p. 760.
- (38) *Shestoj s'ezd RSDRP (bol'shevikov)...* p. 297.
- (39) Darendorf R. *Sovremennij social'nyj konflikt. Oчерk politiki svobody* [Modern social conflict. Sketch of policy of freedom]. Moscow, 2002, p. 104.
- (40) Shul'ts E.E. *European Social Science Journal*, 2013, no. 8–2 (35), pp. 496–507.
- (41) *Vospominanija o Vladimire Il'iche Lenine v 10 tomah*, vol. 3, p. 217.
- (42) Ibid, p. 236.
- (43) Ibid., p. 238.
- (44) Fedotov G.P. *Sud'ba i grehi Rossii* [Destiny and sins of Russia]. St. Petersburg, 1992, vol. 2, pp. 93–94.
- (45) *Pervaja revoljucija v Rossii...* p. 516.
- (46) *Statisticheskij ezhegodnik ...* p. 80.
- (47) Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij*, 1960, vol. 11, pp. 336–337.

- (48) Ibid., 1969, vol. 34, p. 383.
- (49) Ibid., p. 162.
- (50) *Pjatyj s'ezd RSDRP...* p. 661.
- (51) *Shestoj s'ezd RSDRP...* p. 294.
- (52) *Vos'moj s'ezd RKP(b)...* p. 452.
- (53) *Desjatyj s'ezd RKP(b)...* p. 760.
- (54) Goldstone J. *Logos*, 2006, no. 5 (56), p. 82.
- (55) Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij*, 1973, vol. 30, p. 356.
- (56) Sorokin P.A. *Chelovek. Civilizacija. Obshestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow, 1992, p. 287.
- (57) Ibid., p. 285.
- (58) Lefebvre J. *Agrarnyj vopros v jepohu terrora* [Agrarian question during a terror]. Leningrad, 1936, pp. 26, 131.
- (59) Ibid., p. 26.
- (60) Blok M. *Harakternye cherty francuzskoj agrarnoj istorii* [Characteristic features of French agrarian history]. Moscow, 1957, p. 266.
- (61) *Istorija Francii v treh tomah* [History of France in three volumes]. Moscow, 1973, vol. 2, p. 38.

"CLASS APPROACH" AND "PROLETARIAN CHARACTER" OF RUSSIAN REVOLUTION OF 1917

E.E. Shults

Department of International Relations
The State University of Nizhny Novgorod
Ulianova Str., 2, Nizhny Novgorod, Russia, 603005

Study of the problem of “class character” of 1917’ revolution and competency of the term “proletarian revolution”. The author considers questions of participation of various social groups in the Russian revolution, draws analogies of social composition of previous revolutions, considers the principle of “proletarian revolution”, as an ideology element for positioning of Bolsheviks and power capture. It is necessary to consider that an age, gender and national factor played much bigger role un Russian revolution than class factor. Revolution in Russia in many respects leaned on young generations which made more than a third of the population of the Russian Empire by 1917. In fight against tsarism separate calculation was based on the non-russian population and national suburbs of the empire. The special role in the Russian revolution was played by the peasantry. Revolution happened in the capital (in two capitals in Russia), the peasantry remained indifferent to revolution while Bolsheviks didn't begin to take away from them the food violently. This period:(summer – fall of 1919) became the time of peak of the Civil war. However return of landowners and their claim for property of the land forced peasants to turn bayonets for revolution and the earth and, eventually, to provide to Bolsheviks a victory in the Civil war.

Key words: Revolution 1917, Russian revolution, sociology of revolution, classes in revolution, proletarian revolution.